

С. М. ПИНАЕВ

Система равновесий как философская основа жизни и творчества Максимилиана Волошина

Когда мы говорим о мировосприятии и творчестве М. А. Волошина, то неизменно употребляем слова «гармония», «гармоничность». Он ищет и находит — в лирическом самовыражении, в природе, в мироздании, — как писала близко знавшая поэта Марина Цветаева, «то единство, в котором было всё, и то всё, которое было единством»¹. Целокупность многообразия — главная особенность волошинского творчества. Оставаясь глубоко русским поэтом, преклоняясь перед Пушкиным и Достоевским, Тютчевым и Вл. Соловьёвым, Волошин вбирал в себя культуру Запада и Востока, объединяя элементы той и другой в своём творчестве.

Творчество это невозможно воспринимать исключительно с позиций христианства, антропософии, масонства или чего-то ещё. Как поэт и мыслитель Волошин не укладывается ни в одну конкретную эстетическую, эзотерическую систему. Он, его стихи и проза, выше и шире: это «средоточье всех путей» — литературы, культуры, философии — в России Серебряного века, некое всеобъемлющее единство, в котором тесно спаяны поэзия, эссеистика, живопись, соединены традиции и яркая индивидуальность. «...Так нельзя выломать отдельные завитки из ракушки... её очарование — целое», — писал Андрей Белый, подметивший это «целое» в крымском доме Волошина, как, впрочем, и в его творчестве: «целое единственной жизни; поэт-Волошин, Волошин-художник, Волошин-парижанин, Волошин-коктебельский мудрец, отшельник и краевед даны в Волошине, творце быта...». Можно принимать или не принимать Волошина во всех этих ипостасях, но необходимо выделить главное, доминанту личности, подмеченную А. Белым: «...во всех согласиях и несогласиях меня пленяли» в нём «широта интересов, пытливость ума, многосторонняя начитанность, умение выслушать собеседника...», его способность выступать в роли «миротворца, сглаживая противоречия между противниками, часто не видящими из-за деревьев леса...»².

«Француз культурой, русский душой и словом, германец — духом и кровью»³ — так определила составляющие творческой личности Волошина М. И. Цветаева, связывая с «германством Макса» его пантеизм («всебожественность, всебожие, всюдубожие»), вбирающий в себя весь окружающий мир с населяющими его людьми, далёкими и близкими, а также мистицизм («родники скрытые из скрытых и тайные из тайных»). Если французская культура прививала Волошину дисциплину художественной формы, обогащала палитру изобразительных приёмов, то славяно-германская «безмерность духа» пронизывала его творчество изнутри, способствовала рождению философско-эзотерических концепций, вела к постижению мира как «открытой книги», которую, прочитывая, человек принимает в себя. Отсюда — характерный волошинский тезис: «Человек — это книга, в которую записана история мира», который мы находим среди его записей за 1907 год.

Однако «безмерность духа» требует сдерживающей формы. Поэтому обратной стороной данного принципа является закон самоограничения, наличие некоей сдерживающей силы, контролирующей и направляющей работу духа. В стихотворении «Подмастерье» (1917), представляющем собой для Волошина «поэтический символ веры», читаем: «Для ремесла и духа — единый путь: / Ограниченье себя...» — строки, являющиеся разработкой гётеанского мотива: «Лишь в чувстве меры мастерство приметно, / И лишь закон свободе даст главенство» («Природа и искусство», 1800). Самопознание личности поэта начинается с самоограничения и самодисциплины, с выработки устойчивых жизненных принципов, что окажется для Волошина особенно ценным в период лихолетья. Волошин сводит эту тему к афористическому императиву: «Безвыходность, необходимость, сжатость» — закон, имеющий отношение и к художественной форме, и к жизненному коду поведения. «Все трепеты и все сиянья жизни» могут быть сведены на нет ради совершения подвига творчества, ведь оно «является неугасимым горением совести»⁴.

Совесть — ключевое слово в нравственно-философской системе Волошина. Отмечает он и в поэме «Россия», говоря о природе русской натуры, это «бродило духа — совесть / И наш великий покаянный дар...» — нечто родственное утверждению С. А. Аскольдова о «соборной целостности русской души», о том, что в России «всегда осуществлялся подвиг братского замещения греха одних смирением, терпением других»⁵. И, конечно, молитвой. Молитва «за тех и других» — единственное, что в годину братоубийственной войны оставалось поэту, выучившемуся «молиться за палачей», ибо «каждый / Есть пленный ангел в дьявольской личине». Отсюда — его способность видеть в белом офицере и красном комиссаре братьев.

«...Когда дети единой матери убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из братьев». А братья равны в своей правоте и неправоте. Волошин был убеждён, что мир строится на равновесиях. «Две дуги одного свода, падая одна на другую, образуют несокрушимый упор. Две правды, два принципа, две партии, противопоставленные друг другу в устойчивом равновесии, дают опору для всего здания»⁶.

Мысль о равновесии двух сил, созидающих мироздание, была высказана поэтом ещё в сонетном мини-цикле «Два демона» (1911, 1915). Это два сонета, объединённых по принципу контрапункта, двуединства антиномии. Первый Демон олицетворяет тлетворность цивилизации, убийственный дух механико-рационалистического начала. Наука в данном случае воспринимается поэтом односторонне-негативно, разум и прогресс — в их антигуманной функции. Рационалистическое начало в современном мире, считает Волошин, легко подменяется одурманиванием, «наркозом» учений, что ведёт к видимости политических свобод, ложной гармонии и «общедоступному» счастью. <...> Если первый Демон, «князь земли», в чём-то сродни Мефистофелю, то его антипод заключает в себе мильтоновскую традицию. Это падший ангел, Богоборец, олицетворяющий творческое начало жизни. Возможно, здесь сказалось увлечение Волошина масонством.

<...> Однако второй Демон, хоть он и ближе автору, не отстраняет первого. Это две стороны единого целого <...>.

Исходя из тех же принципов, оценивает Волошин и историю. Он прокламирует прежде всего единство движения по времени вперёд и назад. Но такое движение, в сущности, оказывается отсутствием движения. Так, ничего не меняется вследствие взаимодействия классов, правящего и углового, которые во время революции, по мнению поэта, только меняются местами. Ничего не меняется и тогда, когда современность неожиданно «наплывает» на, казалось бы, ушедшие эпохи, которые вдруг «выныривают» из бездны времён. На первый взгляд, здесь возникают ассоциации с тезисом Б. П. Вышеславцева, который утверждал, что «история идёт в обе стороны, к началу и к концу, что она всегда “архаична” и телеологична, что смысл изучения истории состоит не в созерцании прошлого, а в предвидении будущего...»⁷. Вероятно, Волошин согласился бы здесь с понятием телеологичности, заданности истории. Но Вышеславцев всё же имеет в виду взаимообратное движение по времени, историческому времени. В случае же с Волошиным речь может идти не столько об историческом, сколько о мифологическом времени.

В мифологическом времени отсутствуют начало и конец: к нему неприменимо понятие линейной протяжённости. У Волошина в первом же программном четверостишии, задающем тон всему творчеству («И мир как море пред зарёю...»), лирического героя окружает время

без границ, без начала и конца — он как бы вписан в вечность. В стихотворном «Письме» поэт говорит о своём мироощущении такими словами: «...Но мне понятна беспредельность, / Я в мире знаю только цельность...». Волошин уподобляет поэтов перешагнувшим через время «мудрым и бессмертным» кентаврам, в которых заключены «бег планет и мысль Земли». В стихотворениях из цикла «Когда время останавливается» (1903–1905) этот ракурс мировидения ещё более ощутим: «И день и ночь шумит угрюмо, / И день и ночь на берегу / Я бесконечность стерегу / Средь свиста, грохота и шума. / Когда ж зеркальность тишины / Сулит обманную беспечность, / Сквозит двойная бесконечность / Из отражённой глубины».

«Двойная бесконечность», простирающаяся в обе стороны... Эта амбивалентность мироощущения, осознание себя в мгновении и вечности, создаёт силовое поле стихов: «Быть заключённым в темнице мгновенья, / Мчаться в потоке струящихся дней...»

Сам временной поток осознаётся в мифологии как нечто цельное («Я в мире знаю только цельность»), своего рода «ядро», в котором неразделимы причины и следствия. Всё, что совершается в этом «ядре», само для себя и причина, и цель. Именно так смотрит поэт на историю России. Петровская эпоха — это и следствие каких-то процессов, и причина того, что произошло в XX веке. Большевистская эпоха — это следствие, но она же содержит в себе и цель (вот она, телеологичность) — возрождение России, обретение «поруганного храма», ибо это неизбежно. Да, приход большевиков к власти ознаменовал царство антихриста... Но говорит же Господь в главе «Левиафан» книги «Путями Каина»: «Сих косных тел алкание и злоба / Лишь первый шаг к пожарищам любви».

Волошину как философу уже не хватает того, что связано с Россией и её историей. Его интересует человечество как таковое и даже нечто, ему предшествующее. В первой главе «Мятеж» («Путями Каина») даётся оригинальная концепция становления мироздания путём мятежа. По Волошину, «Мятеж был против Бога, и Бог был мятежом», то есть мятеж против себя самого в доказательство и обеспечение своего бытия. «И всё, что есть, началось чрез мятеж». Ведь, согласно «Диалектике мифа» А. Ф. Лосева, для того, чтобы «вывести это всё, надо его чему-то противопоставить... надо его чем-то отрицать...», и так как «никого и ничего нет кроме этого всего, то... всё будет само противопоставлять себя себе же»⁸. Это равновесие-противоречие и является источником существования мира, его способом и формой. «Бог был окружностью, / А центром Дьявол, / Распяленный в глубинах вещества».

Бог-окружность... Волошин, по сути дела, опираясь на древних философов, воссоздаёт картину античного космоса. Ведь ещё Ксенофан утверждал, что существо божье шарообразно. Парменид считал небо

самым точным из встречающихся шаров, отмечая, что, наподобие Земли и Вселенной, Бог неподвижен, конечен и имеет форму шара. Для Волошина же эта шарообразность Бога или небесных сфер не так уж важна. Для него главное — двойца как материальный и духовный принцип миростроительства, двойца как равновесие. Бог — дьявол, два демона, строителя-держателя вселенной, две дуги собора, упавшие друг на друга и тем самым образовавшие нестигаемый свод. И, наконец, «смерть и рождение — вся нить бытия» (в другом месте: «смерть и воскресенье — творящий ритм мятежного огня»).

В основе волошинской космофилософии — гармония равновесий, «зеркальный бред взаимоотражений». «Мир осязаемых и стойких равновесий», возникший из «вихрей и противоборств», обречённый на распад, но и сохраняющий надежду на спасение, восстановление изначальной гармонии. Эта система равновесий (равновесие противоположностей), включающих в себя череду взаимопритяжений и отталкиваний, проявляется в космогонических фантазиях и утверждается в историософском восприятии современности. В начале главы «Космос» даётся поэтическая концепция сотворения мира по Каббале (книга Зогар), упоминаются «двойники — небесный и земной», которые «Соприкоснулись влажными ступнями. / Господь дохнул на преисподний лик, / И нижний оборотень стал Адамом. / Адам был миром, / Мир же был Адам...».

Не вдаваясь в историю происхождения этих образов, заметим, что здесь налицо единство, превратившееся в двойцу. Если число 1 (монада) традиционно является выражением такой гармонической целостности, как Бог или космос, то 2 (двойца) чаще всего представляет собой две противоположности, антиномию, нередко таящую в себе гибель. Однако у Волошина подразумевается равновесие противоположностей, единство противопоставления взаимодополняющих частей монады.

Эволюцию человечества поэт воспринимает как бунт против равновесия вещей и столкновение контрастных начал. Зло необходимо хотя бы как ступень к добру, достигаемому через бунт против зла. При этом «благоразумный» возвращается в стадо; «мятежник» стремится пересоздать мир и себя, но застревает в «капканах равновесья». К тому же он попадает в плен к собственным иллюзиям. В бунте против материи человеку начинает казаться, что он подчинил себе духов природы, однако в действительности он сам попал в подчинение эльфам и кобольдам, ундинам и саламандрам, освободив «силы / Извечных равновесий вещества». И с этого момента «Бесы пустынь, самумов, ураганов / Ликуют в вихрях взрывов, / Дремлют в минах / И сотрясают моторы машин...» («Магия»).

Весь поэтический строй Волошина воспринимается, как уже говорилось, сквозь призму равновесия противоположностей. Нарушение этого

принципа ведёт к катастрофе, что и подтвердили события в России. Революция «есть... нарушение того высшего религиозного принципа жизни, который составляет основу религиозной жизни как индивидуальной, так и общественной, т. е. её *органическое единство*»⁹, — писал философ С. А. Аскольдов. По его мнению, революция — это власть множественности над государственным единством, в какой бы форме оно ни выражалось. У Волошина эта множественность, «расплавляющая спайки целого», — множественность бесов. Исключительной, нерушимой целостностью представляется художнику в это страшное время лишь «меч молитв», означающий крепость целительного слова: «Когда же в мир пришли иные силы / И вновь преобразили человека, — / Меч не погиб, но расщепился в дух...» («Меч»).

Утверждая свой «единственный мыслимый идеал», «Град Божий», «находящийся... за гранью времён», поэт даёт повод задуматься о постоянном, как говорил Н. А. Бердяев, «противодействии вечного во времени, постоянном усилии вечных начал свершить победу вечности»¹⁰.

В своей историософской концепции М. Волошин в значительной степени отталкивается от теории О. Шпенглера («Закат Европы»), основная мысль которой — безысходное круговращение истории и неминуемая гибель культуры под спудом механистическо-потребительской цивилизации. Поэт считал, что в мире идёт непрерывный распад материи, обрекающий его на полное исчезновение, и высказывает гениальное предположение, что история будущего пройдёт под знаком «интраатомной» энергии. Спасти человечество и этот «гибнущий мир распадающегося вещества» может только «зизждительный поток творящей энергии», горение человеческой любви.

<2017>

